

Однако, достаточно откровенно отвечая на все вопросы комиссии, она утверждала, что «во всех постановлениях ЦК партии свержение большевистского правительства ни разу не намечалось», а выступление должно было препятствовать «защите русским правительством убитых агентов германского империализма»⁴². Видимо, улавливаемая в этих утверждениях Спиридоновой противоречивость вызвана ее стремлением взять всю вину на себя, отводя угрозу наказания от других участников восстания. Но при этом явно и откровенно она ведет речь о выступлении, спланированном в достаточно широком масштабе.

В общем же заключенный в конце 1917 года союз большевиков и левых эсеров оказался недолгим и непрочным. Разногласия же между двумя партиями были слишком глубокими, они, в конечном счете, и привели к распаду правительственного блока летом 1918 года. Думается, что преднамеренности ведения с самого начала формирования блока работы по подготовке его распада не было ни с одной стороны. Видимо, и большевики, и левые эсеры шли на союз с намерениями привлечь на свою сторону как внутри Совнаркома, ВЦИК, съездов Советов, так и непосредственно среди рабочих и крестьян возможно больше сторонников. Те и другие надеялись реализовать в рамках съезда свои программные и стратегические цели. Для этого обе партии внутри единого блока стремились провести свои конкретные меры по обеспечению коренных вопросов революции. Но и у большевиков, и у левых эсеров не было ни опыта, ни терпения, да, думается, и желания уступать своим оппонентам по тактическим соображениям ради стратегического выигрыша. Это, в конечном счете, и привело к распаду самого блока.

Абрамовский А. П., Морозов Е. Г.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КРАСНОЙ ГВАРДИИ В 1917—1918 годах

Опыт революционного движения в новейшее время показывает, что даже относительно многочисленным в структуре общества классам и социальным группам трудно завоевать политическую власть или удержать ее без опоры на собственные вооруженные силы. В этом плане формирование отрядов Красной гвардии в России в 1917—1918 годах представляется вполне закономерным явлением, однако оценка их роли и значения в современной отечественной историографии далеко неоднозначна. Данная статья посвящена анализу одной из сторон военной деятельности РСДРП(б) преимущественно на материалах южноуральского региона, где сложившаяся в тот период социально-политическая обстановка характеризовалась своеобразным комплексом особенностей, в отдельности присущим и другим регионам России, но нигде не встречавшимся в таком полном и выраженном сочетании.

В середине второго десятилетия XX века Урал представлял собой развитый промышленный регион с числом рабочих в 300—400 тысяч человек, основная масса которых была занята в горнометаллургической промышленности, но при этом сохраняла тесные связи с сельским хозяйством. В сравнительно крупных центрах Южного Урала — Златоустовском, Белорецком, Кыштымском горных округах, Челябинске земельный участок обеспечивал до половины и более общего дохода рабочей семьи. Кроме того, значительная часть местного населения выполняла лишь сезонные работы на заводах и не

⁴² См.: Известия ЦК КПСС, 1989, № 5.— С. 162—163, 180—181; Россия на рубеже веков: исторические портреты.— С. 347—348.

имела там постоянного заработка. Эта многочисленная на Южном Урале категория рабочих связывала свою позицию с интересами среднего крестьянства, а не пролетариата. В Златоусте, Кусе, Белорецке, где традиционно было сильным эсеровское влияние, большевики смогли завоевать политическую власть только в начале 1918 года. Вооруженный характер борьбы в этих районах потребовал создания мобильных боевых отрядов, подчиненных одному местному центру — Военно-революционным комитетам, штабам Красной гвардии или партийным организациям.

На заводах Симского и Катав-Ивановского горных округов, где структура дохода семьи исторически была несколько иной, углубление хозяйственного кризиса и дезорганизация производства, характерные для 1917 года, непосредственно отражались на материальном положении рабочих. В силу этой причины население имело здесь больше поводов для выражения недовольства деятельностью Временного правительства и органов местного самоуправления. На Симском, Миньярском, Аша-Балашовском, Усть-Катавском заводах большевики получили значительное влияние в общественных организациях еще весной — летом 1917 года. Переход власти к Советам в этих центрах произошел мирным путем, а победа Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде лишь подтвердила существующее положение. В конце 1917 — начале 1918 годов рабочие Симского и Катав-Ивановского горных округов сформировали из своей среды массовые и наиболее боеспособные отряды Красной гвардии и боевых организаций народного вооружения (БОНВ), наличие которых оказало существенное влияние на процесс установления и упрочнения Советской власти в крае.

В основных крестьянских районах Южного Урала — Златоустовском и Челябинском уездах преобладали экономически крепкие середняцкие хозяйства. Бедняцкие и люмпенизированные элементы были крайне малочисленны. Октябрьский переворот не мог дать крестьянству Южного Урала и Зауралья, где изначально отсутствовало крупное помещичье землевладение, тех результатов, что в Европейской России. Это обстоятельство в конечном итоге предопределило сдержанно-выжидательное отношение в деревне к идеям большевизма. В Златоустовском и Челябинском уездах смена власти осуществилась в начале 1918 года путем замены земских управ волостными и сельскими Советами крестьянских депутатов.

Другая особенность южноуральского региона — наличие аграрных районов, территориально входящих в состав Оренбургского казачьего войска. Несмотря на усилившиеся процессы имущественного расслоения и политической дифференциации в казачьей среде, оно в своей основе не имело оснований связывать свои долговременные интересы с осуществлением пролетарской революции. Такое своеобразное сочетание исторических условий на Южном Урале отразилось на процессе формирования вооруженных сил пролетариата и беднейшего крестьянства в 1917—1918 годах.

Отряды Красной гвардии начали создаваться в промышленных районах края весной 1917 года. События первых месяцев, прошедших после Февральской буржуазно-демократической революции, показали, что Временное правительство не смогло справиться с анархией, захлестнувшей страну, ставшей, по выражению А. И. Гучкова, методом управления и источником дальнейшего развала России¹. Основная масса населения оказалась не готовой к восприятию идей революции, внезапное падение царизма повергло многих россиян в состояние растерянности. Одной из форм проявления анархии стало стихийное разоружение полицейских

¹ См.: Непролетарские партии России в трех революциях. Сборник статей. — М.: Наука, 1989. — С. 114.

участков, а также заводской охраны и лесной стражи, вследствие которого на руках у населения оказалось значительное количество единиц огнестрельного оружия, переданного позднее организованным в заводских поселках рабочим отрядам самообороны. Тогда же были созданы и первые красногвардейские дружины в железнодорожных мастерских Златоуста и Троицка, цехах Симского и Миньярского заводов, где со времени первой русской революции были сильны антимонархические настроения и высокая степень политизации рабочих.

Возникшие из небольших мобильных групп по охране митингов и собраний эти формирования быстро превратились в своеобразные партийные вооруженные силы большевиков и эсеров, лишь малая часть из которых, получившая статус рабочей милиции, номинально подчинилась Российскому министерству внутренних дел. Боевые дружины и красногвардейские отряды не имели в тот период постоянных обязанностей, а были призваны служить опорой местного самоуправления на случай возможного выступления контрреволюции. На предприятиях Златоустовского и Симского горных округов Советы и Земства добились содержания этих отрядов за счет заводууправлений. Общая численность вооруженных формирований рабочих весной 1917 года не была велика, руководство их деятельностью на местах осуществляли большевистские и эсеровские партийные комитеты.

Негативная реакция в стране на июльские события в Петрограде, ставшие первой попыткой государственного переворота, лишь временно привела к распаду красногвардейских отрядов, подчиненных местным организациям РСДРП(б). В дни борьбы с корниловщиной и в связи с подготовкой сентябрьской забастовки на заводах Южного Урала они вновь возродились в качестве массовой полувоенной организации, деятельностью которой большевики направляли на подготовку захвата власти и нейтрализацию своих политических противников. Поражение вооруженного выступления генерала Л. Г. Корнилова коренным образом изменило соотношение политических сил в стране. Осенью 1917 года процесс формирования Красной гвардии и боевых организаций народного вооружения протекал чрезвычайно бурно.

13 сентября 1917 года на собрании большевиков в Челябинске было принято решение о создании боевых дружин, а 15 сентября одобрено Советом рабочих и солдатских депутатов. Вскоре челябинский комитет РСДРП(б) утвердил «Положение о Красной гвардии», составленное на основе устава Красной гвардии Выборгского района Петрограда. В соответствии с ним Красная гвардия создавалась «как средство защиты рабочих, крестьян и всех угнетенных граждан общества от насилий и произвола буржуазии». Отряды формировались на основе добровольной записи в первую очередь членов партии и сочувствующих большевикам рабочих. Положение требовало от красногвардейцев строгого соблюдения дисциплины, обязательного посещения собраний, учебных занятий, сохранения оружия. К октябрю 1917 года Красная гвардия была организована на 8 предприятиях города и насчитывала в своих рядах около 600 рабочих. В структурном отношении она подразделялась на четыре основных района: городской, объединявший отряды мельниц, чаеразвесочных и дрожжевого завода (командир Д. М. Криводанов), железнодорожный — отряды железнодорожного депо и мастерских (В. И. Евтеев), завод «Столь и К°» (Г. Ф. Савин), челябинские копи — шахтерские отряды Р. Протасова, Г. Сутягина и М. Меховова, что объяснялось их территориальной удаленностью друг от друга.

Организация боевых дружин в начале сентября 1917 года усилилась и в других центрах Урала. В Златоусте отряды Красной гвардии были созданы в крупносортомном, точильном и снарядном цехах механического завода. Всего в городской отряд записалось 150 человек, около 50 человек

насчитывала дружина на железнодорожной станции. Общее руководство боевиками осуществляли В. Д. Ковшов, М. И. Карьков, Ф. А. Копанев-Самарин. Отличительной особенностью военного строительства в Уфимской губернии явилось то, что боевые организации создавались на основе устава, действовавшего еще в 1905—1907 годах. Текст его был переработан Уфимским комитетом партии большевиков в ноябре 1917 года. В одном из первых параграфов подчеркивалось, что «БОНВ непосредственно осуществляют на местах проведение в жизнь законов, декретов и распоряжений как центрального, так и местного (Совет рабочих и солдатских депутатов) правительства». Особое внимание в уставе уделялось качеству подбора добровольцев. При приеме в ряды Красной гвардии соблюдался классовый принцип, вследствие чего отряды имели однородный социальный состав.

Послекорниловский экономический и государственный развал России пошел еще быстрее, положение основной массы населения непрерывно ухудшалось. Вместе с тем крепла уверенность в том, что разрыв с буржуазией и переход власти к Советам рабочих депутатов способны в корне изменить положение. На волне подобных настроений осенью 1917 года к руководству некоторыми местными Советами в результате перевыборов пришли большевики, выдвинувшие яркую радикальную программу преобразований. Вместе с тем изменился и статус красногвардейских отрядов в Челябинске, Симе, Миньяре, Усть-Катаве, где они приняли на себя многие функции милиции: охрану заводов, учреждений, коммуникаций, общественного порядка и др.

Временное правительство с тревогой наблюдало за стихийным вооружением рабочих, однако после разрыва с Л. Г. Корниловым оно окончательно потеряло возможность воздействовать на вышедшую из-под контроля обстановку в стране. Приказ министра внутренних дел от 21 сентября 1917 года, предписывавший «неустанно наблюдать за организацией Красной гвардии, выработать по соглашению с Главнокомандующим меры к обезоружению рабочей гвардии» не был выполнен на Южном Урале по причине деморализации и разложения как милиции, так и воинских частей местных гарнизонов. Солдаты 32-й пехотной запасной бригады, штаб которой находился в Челябинске, не только не препятствовали формированию Красной гвардии, но и выделяли инструкторов для военного обучения боевиков, передавали им оружие, создавали собственные вооруженные формирования.

В атмосфере усиливавшейся анархии с каждым днем увеличивался контингент лиц, выдвижение которых на политическую арену было связано с дестабилизацией существующего строя. Для них не было альтернативы будущего развития России: ибо в случае укрепления государственной власти неизбежно наступила бы ответственность за совершенные проступки — дезертирство с фронтов, несоблюдение производственной дисциплины, неподчинение местной администрации и др. в соответствии с законами военного времени. Эта категория населения осенью 1917 года оказалась в рядах наиболее активных и последовательных сторонников большевистской тактики, направленной на свержение Временного правительства. Многие ее представители возглавили вооруженные силы пролетарской революции, занимались формированием новых отрядов, решением вопросов вооружения и военного обучения боевиков.

С победой Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде функции Красной гвардии потерпели принципиальные изменения: из орудия завоевания власти она стала орудием защиты Советской республики. На Южном Урале Красная гвардия и боевые организации народного вооружения сыграли решающую роль в подавлении очагов вооруженного казачьего сопротивления и обеспечении революционного порядка. В послеоктябрьский

период красновардейские дружины выполняли функции милиции, армии, продовольственных отрядов, железнодорожной и тюремной охраны. На них были возложены обязанности по охране общественного спокойствия, наблюдения за противопожарным состоянием населенных пунктов, борьбе с самогоноварением, спекуляцией, саботажем и т. д. Это, в свою очередь, потребовало дальнейшего укрепления Красной гвардии, привлечения в ее ряды новых сил. Численность боевиков в конце 1917 — начале 1918 годов заметно увеличилась и составила от 2% на Златоустовском и 16—17% на Белорецком и Тирлянском заводах до 50% от общего числа работающих на предприятиях Симского горного округа. При этом на постоянной службе находилась лишь небольшая часть боевиков. В Сатке, например, в начале 1918 года из 100 человек лишь 15 красновардейцев постоянно находились при штабе.

Зачисленные в штат Красной гвардии получали гарантированный оклад: начальник дружины — до 300 рублей в месяц, инструктор военной подготовки — 270, рядовой — 250, что в нестабильной обстановке того времени имело немаловажное значение. В составе отрядов преобладали рабочие «холодных» цехов (в «горячих» экономическое положение было лучше), неквалифицированные и безработные, в основном молодежь в возрасте от 17 до 25 лет. На заводе «Столь и К⁰» в Челябинске в числе организаторов красновардейского отряда были слесари Г. Ф. Савин и А. А. Теляков, маляры А. И. Чикишев и К. П. Логинов².

Весной 1918 года с ликвидацией органов свергнутого Временного правительства вся полнота власти на местах сосредоточилась в руках Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Большую роль в упрочении Советской власти сыграло сотрудничество ряда левых партий, наиболее полно проявившееся в военной области. В числе организаторов отрядов Красной гвардии и БОНВ были меньшевик-интернационалист М. Н. Петров (Курган), левые эсеры Н. А. Ададуров (Белорецк) и А. П. Гордеев (с. Ногуши), анархист И. Забегин (Троицк) и др. В Белорецке левые эсеры имели самостоятельные дружины, а в Златоустовском уезде — входили в состав ряда волостных отрядов боевых организаций народного вооружения.

В феврале — марте 1918 года темпы формирования Красной гвардии на Урале значительно усилились, что означало начало высшего этапа ее развития в регионе. В это время происходило массовое возвращение демобилизованных солдат, часть из которых стала проводниками большевистского влияния в деревне. В Челябинском, Златоустовском, Екатеринбургском уездах наряду с ликвидацией волостных земских управ была упразднена старая милиция или, как в Воскресенской, Кипельской и Куликовской волостях Челябинского уезда, проведены ее перевыборы³. Для охраны общественного порядка, борьбы с участвовавшими случаями грабежей и хулиганства в селах на добровольной основе создавались красновардейские дружины из крестьянской бедноты и бывших фронтовиков. Основная масса отрядов в южноуральской деревне была сформирована весной 1918 года. В селах Красноярское, Сухоборское, Карачельское, Травянское инициатором их создания выступили Советы крестьянских депутатов, принявшие соответствующие решения, а в ряде сел Златоустовского уезда — партийные комитеты большевиков и левых эсеров.

Особенностью сельской Красной гвардии было ее формирование для выполнения, главным образом, милиционных функций. Члены отрядов, вооруженные в основном своим личным оружием, осуществляли постоянное

² ГАЧО. Ф. Р.— 252. Оп. 1. Д. 336, л. 1; Д. 420, л. 1.

³ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3, л. 86.

дежурство в волостных и окрестных селах, провели изъятие и обеспечили сохранность реквизированных по решению местных органов власти частновладельческих предприятий и сельскохозяйственных машин. Весной — летом 1918 года сельские дружины за редким исключением не участвовали в военных действиях на фронтах. Численность большинства из них была небольшой: от 10 (с. Березово) до 25 человек (с. Гаганово Челябинского уезда).

На железнодорожных станциях одним из мотивов создания красногвардейских отрядов была острая необходимость борьбы с мошенничеством и спекуляцией, достигшими в конце 1917 — начале 1918 годов невиданных ранее масштабов. В Чумляке, Шумихе, Мишкино основу боевых дружин составили мельничные рабочие. Численность отрядов здесь была несколько выше: до 80—100 человек⁴. В тех районах Златоустовского уезда, где отмечались случаи конфликтов, обусловленных противостоянием в аграрных отношениях, отряды боевых организаций народного вооружения состояли из 40 человек в Леузинской, 39 — в Ярославской и 62 в Еланлинской волостях.

Как и в заводских центрах, в ряде сел формирование Красной гвардии происходило на основе уставов, разработанных местными Советами. В инструкции для дружинников, утвержденной Шумихинским Советом крестьянских депутатов Челябинского уезда, так определялась их основная задача: «Дружинник — есть защитник рабоче-крестьянской революции, завоевавшей 25 октября 1917 года свободу, равенство, братство и землю... а поэтому обязан всеми силами, не щадя своей жизни, защищать и поддерживать Советскую власть, ни на минуту не забывая о великих и светлых целях социализма»⁵. Однако не всегда функции и задачи отрядов были определены четко, что давало возможность произвольного их толкования. В этих условиях нередкими были перегибы в деятельности Красной гвардии: самовольные реквизиции и аресты, разгон «кулацких» Советов, злоупотребление властью и др.

Весной 1918 года началось формирование боевых дружин на территории Оренбургского казачьего войска. Взятие красногвардейцами Троицка и Оренбурга ускорили политическое размежевание в станицах. Основная масса рядового казачества стремилась уклониться от участия в боевых действиях, казачий круг, состоявшийся в Челябинске в январе 1918 года, заявил о необходимости «прекратить гражданскую войну и отозвать боевые силы как с той, так и с другой стороны»⁶. В феврале казаки Ключевского поселка, поддержавшие Советскую власть, отказались формировать казачьи дружины⁷.

Отсутствие единства среди казачества позволило новой власти приступить к замене станичных правлений Советами. Одновременно для охраны общественного порядка и обеспечения выполнения решений Советской власти в станицах формировались боевые дружины из бывших казаков-фронтовиков и иногородних, как это было в станицах Бобровской, Карагайской, Магнитной, Янгельской и др.⁸. В станице Звериноголовской 12 апреля 1918 года на собрании крестьян и мусульман было принято решение: «не подчиняться казачьему Звериноголовскому Совету до тех пор, пока он не будет стоять на платформе Советской власти... Произвести запись в боевую

⁴ ГАКО. Ф. Р. 1670. Оп. 1. Д. 12, л. 2.

⁵ Известия Челябинского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. — 1918, 30 мая.

⁶ Союзная мысль. — 1918, 18 января.

⁷ Известия Челябинского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. — 1918, 30 мая.

⁸ Троицкий краеведческий музей. Личные дела Золотухина И. П., Сафонова Н. С.

советскую дружину и просить уездный совет как можно скорее выслать оружие».

В апреле 1918 года на съезде казаков-фронтовиков Челябинского уезда удалось принять резолюцию о создании добровольческих социалистических отрядов, но в первой половине 1918 года на Южном Урале не было сформировано боеспособных казачьих частей. Вооруженные дружины, организованные в ходе борьбы с атаманом А. И. Дутовым, носили временный характер, а постоянные боевые группы в станицах в основе своей были немногочисленными.

После поражения А. И. Дутова под Верхнеуральском и Троицком и отступления в Тургайские степи была устранена угроза для Советской власти. В этот период местные органы власти впервые столкнулись с трудностями при формировании и дальнейшем сохранении имевшихся красногвардейских отрядов. На общем собрании челябинских большевиков в апреле 1918 года отмечалось, что принятое ранее решение, обязывавшее всех членов партии вступить в Красную гвардию, так и не было выполнено⁹. Тем не менее, по неполным сведениям, в составе боевых отрядов весной 1918 года насчитывалось в Челябинском уезде — более 1,5 тысяч, в Златоустовском — около 2 тысяч, в Троицком и Верхнеуральском уездах — до 3,5 тысяч человек.

Политика Советской власти в первой половине 1918 года вступила в противоречие с интересами основных социальных групп на Южном Урале. Это были рабочие тех заводов, где снижение жизненного уровня не было преодолено, крестьяне, недовольные практикой принудительных реквизиций, члены отстраненных от власти политических партий — все они выражали недовольство деятельностью Советов и подчиненных им военных, правоохранительных и иных структур. Крупнейшие крестьянские восстания охватили весной 1918 года значительную территорию Южного Урала.

В то же время в рядах Красной гвардии и боевых организаций народного вооружения происходила перегруппировка сил: начался распад организационного управления, реформирование центрального штаба БОНВ в Уфе, обострились межпартийные противоречия после того, как левые эсеры взяли курс на самостоятельное существование своих дружин. Не были урегулированы взаимоотношения Красной гвардии и формирующейся рабоче-крестьянской армии, что приводило к конфликтным ситуациям.

К моменту вооруженного восстания чехословаков силы Красной гвардии и боевых организаций национального вооружения были крайне разобщены: отсутствовало как единое руководство, так и система взаимосогласованных действий. Боевики, которые до этого времени успешно подавляли отдельные выступления внутренней контрреволюции, были не в состоянии оказать серьезное сопротивление регулярным чехословацким частям. Лишь малая доля из них (отряды В. К. Блюхера в Белорецке, В. Д. Ковшова и П. С. Поспелова в Златоусте и Ногушах, П. А. Грязнова и А. П. Коростина в Мишкино и др.), сохранив боевые порядки, отступила на соединение с вооруженными формированиями образованного летом 1918 года Восточного фронта.

Красная гвардия сыграла решающую роль в завоевании пролетариатом политической власти, подавлении первых антиправительственных выступлений и обеспечении революционного порядка в регионе. Однако в силу особенностей ее формирования она не могла выполнить роль постоянной армии. Преобразование ее в РККА не было закончено к моменту вооруженного выступления чехословаков. Низкая боеспособность красногвардей-

⁹ Известия Челябинского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. — 1918, 26 апреля.

ских отрядов была одной из причин, приведших к ликвидации в июне — июле 1918 года Советов на всей территории края.

Футорянский Л. Н.

РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ОСЕНЬ 1919—1920)

В ходе гражданской войны соотношение сил, позиции различных классов и социальных групп не оставались неизменными. Они нередко круто менялись под влиянием различных общероссийских и даже местных факторов. Серьезные колебания были характерны и для казачества, причем не только на начальном этапе войны (что и раньше отмечалось многими исследователями), но и на завершающем этапе. Осенью 1919 года, и в этом сходятся оценки как красных, так и белых, произошел переход значительных масс казачества (особенно середняков) на сторону Советской власти. Количество донских казаков в стане белых составляло в ноябре 1918 года 49,5 тысяч человек, в феврале — марте 1919 года оно сократилось до 15 тысяч¹. Однако в последующий период лагерь донских казаков в белом движении стал стремительно шириться, достигнув своего апогея — 52,5 тысяч — во второй половине 1919 года². Это составляло 42 процента от числа донских казаков, выставленных в действующую армию в первую мировую войну (125 тысяч на 1 января 1916 года)³ и примерно 25 процентов от того, что потенциально могли выставить казаки Дона (210 тысяч, считая казаков с 19 до 48 лет)⁴. В ноябре же началось сокращение числа донских казаков в белой армии.

Своего пика белое движение кубанских казаков достигло в ноябре 1918 года — 35,5 тысяч⁵, в июне — сентябре 1919 года оно составило в рядах Кавказской армии 20—25 тысяч⁶. Для сравнения в действующую армию на 1 августа 1915 года кубанское казачество выставило 97 тысяч⁷, т. е. никогда в рядах белых не было более 36 процентов этого. Потенциально же кубанские казаки могли дать в ряды армии 171 тысячу казаков (с 19 до 48 лет)⁸, или в белом движении было не более 22 процентов возможного числа кубанских казаков.

Один из документов из дутовского лагеря говорит о том, что на 5 октября 1918 года в рядах дутовской армии было 23 полка и более 21,7 тысячи казаков⁹. По другим данным в ней в декабре 1918 года насчитывалось 10 108 сабель и 3 128 штыков¹⁰. В действующую армию к январю 1916 оренбургские казаки дали 25 тысяч¹¹, а потенциально могли выставить с 19-летнего по 48-летний возраст 70 тысяч¹², что говорит о том, что на стороне белых оказалось 20 процентов возможного числа казаков.

¹ В. Добрынин. Вооруженная борьба Дона с большевиками. Донская летопись. 1923, № 1. Белград. С. 128.

² Там же. С. 129.

³ ЦГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 17, л. 57—58.

⁴ Там же. Ф. 330. Оп. 34. К. 54 — ...Д. 6, л. 59.

⁵ В. Добрынин. Указ. соч., С. 130.

⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Изд. 2-е, с. 249.

⁷ ЦГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 72, л. 9—10.

⁸ Там же. Ф. 330. Оп. 81. Д. 15. л. 7. Д. 8, л. 5—8.

⁹ ГАОО. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 106, л. 1—3.

¹⁰ Машин М. Д. Оренбургское уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов, 1984. С. 69.

¹¹ ЦГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 17, л. 57—58.

¹² Там же. Ф. 330. Оп. 81. Д. 8, л. 5—8.